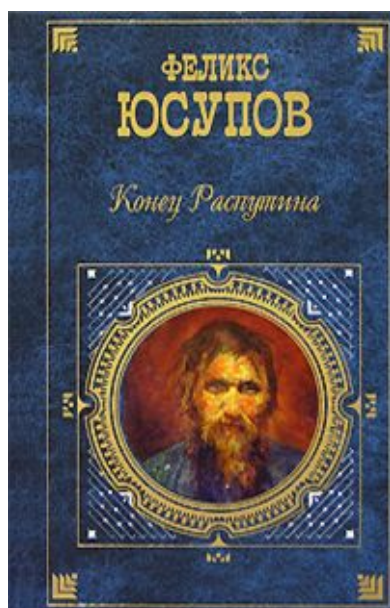

Феликс Юсупов Конец Распутина (воспоминания)

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=174064
Ф. Юсупов Конец Распутина: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-19801-6*

Аннотация

Феликс Юсупов – офицер, аристократ, представитель древнего дворянского рода, супруг племянницы Николая II и он же – активный участник покушения на Григория Распутина, любимца царицы Александры Федоровны, пророка и врачевателя, влиятельного проходимца царского двора. В своих воспоминаниях, которые долгое время были доступны лишь ограниченному кругу специалистов (книга была издана в 1927г. в Париже), он раскрывает обстоятельства совершенного убийства. Несмотря на определенную предвзятость мнений автора, что объясняется его воззрениями, симпатиями и антипатиями, книга является своего рода документом эпохи, помогает понять и связать воедино многие факты минувшего времени.

Содержание

Предисловие	4
I	5
I	17
II	20
III	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Феликс Юсупов

Конец Распутина

Воспоминания

Предисловие

До сих пор я не решался печатать моих записок о Распутине.

Мне не хотелось до времени касаться тех событий, которые роковым образом связаны с царствованием мученически погибшего Государя Императора Николая II.

Однако о событиях этих, не переставая, говорят и пишут. И если, с одной стороны, иностранная бульварная пресса создает самые пошлые и клеветнические произведения на эту тему, то, к сожалению, с другой стороны, из-под пера самих русских выходят не менее отвратительные сочинения в том же роде, способные тешить нездоровое любопытство серой толпы.

Злобное глумление над теми, кто кровью искупил все свои невольные ошибки – гнусно и недопустимо. Но есть и другая крайность в отношении к нашему недавнему прошлому: экзальтированная идеализация последнего царствования со всеми его болезненными явлениями.

Обе эти крайности одинаково затрудняют трезвый и объективный анализ прошлого. Особенно вредно они влияют на наше молодое поколение, которое растет вдали от Родины и, рано или поздно, должно будет принять участие в строительстве новой России.

Мы не имеем права питать легендами сознание умственно созревшей молодежи. И не при помощи легенд воспитывается настоящая любовь к Родине и чувство долга перед ней...

Чтобы избежать тяжелых разочарований и ошибок в будущем, необходимо знать ошибки прошлого: знать правду вчерашнего дня. Мне, как близкому свидетелю некоторых событий этого вчерашнего дня, и хочется рассказать о них все, что я видел и слышал. Ради этого я решил преодолеть в себе то тягостное чувство, которое подымается в душе при близком соприкосновении с минувшим, особенно при воспоминании об его страшной развязке в подвале Ипатьевского дома.

I

Когда Распутин черной тенью стоял около Престола, негодовала вся Россия. Лучшие представители высшего духовенства поднимали свой голос на защиту Церкви и Родины от посягательств этого преступного проходимца. Об удалении Распутина умоляли Государя и Императрицу лица, наиболее близкие Царской Семье.

Все было безрезультатно. Его темное влияние все больше и больше укреплялось, а наряду с этим, все сильнее нарастало недовольство в стране, проникая даже в самые глухие углы России, где простой народ верным инстинктом чуял, что у вершин власти творится что-то неладное.

И потому, когда Распутин был убит, его смерть была встречена всеобщим ликованием.

Теперь у многих взгляд на вещи настолько изменился, что убийство Распутина называют «первым выстрелом революции», толчком и сигналом к перевороту.

Так ли это?

Ошеломленные ужасами русского бунта, измученные изгнаннической жизнью, русские люди многое забыли из прошлого.

Советская власть превратила нашу Родину в такой ад крошечный, что, по сравнению с ним, всякий иной строй государственный и общественный кажется райским блаженством. Владычество III Интернационала показало всему миру беспредельность преступления.

Перед советскими застенками, где вся техника XX века призвана для содействия невиданному утонченному зверству физических пыток и душевных истязаний, меркнет все.

Подавленный этим кошмаром, русский беженец иногда склонен делать недопустимое сравнение коммунистической России с Россией дореволюционной и выводить такое заключение: «Пусть лучше было бы двадцать Распутиных, только бы не разрушалась прежняя жизнь».

Ему кажется теперь, что самое сопротивление Распутину и его влиянию было революционным восстанием против государственного порядка и что, если бы с Распутиным мирились и никто бы его не трогал, не случилось бы и страшного переворота, погубившего страну.

Такое суждение есть явный результат реакции, овладевшей общественным сознанием. Реакция во многих случаях бывает так же слепа и нетерпима к трезвому мышлению, как и революция.

Насколько несправедливы подобные выводы и обвинения по отношению к борьбе с распутинским засильем, можно показать, назвав лишь несколько лиц, открыто выступивших в этой борьбе: Великая Княгиня Елизавета Феодоровна, Митрополит С. Петербургский и Ладожский, Антоний, Митрополит Владимир, обер-прокурор Св. Синода, А. Д. Самарин, бывший премьер П. А. Столыпин и председатель Государственной Думы М. В. Родзянко.

Повернется ли язык назвать этих людей изменниками и врагами Родины?

А ведь они были убежденными противниками Распутина и боролись против него «за Веру, Царя и Отечество», за спасение России от революции.

Революция пришла не потому, что убили Распутина. Она пришла гораздо раньше. Она была в самом Распутине, с бессознательным цинизмом предававшем Россию, она была в распутинстве, – в этом клубке темных интриг, личных эгоистических расчетов, истерического безумия и тщеславного искания власти. Распутинство обвилось Престол непроницаемой тканью какой-то серой паутины и отрезало Монарха от народа.

Лишившись возможности разбираться в том, что происходило в России, русский Император уже не мог отличать друзей от врагов. Он отвергал поддержку тех, которые могли

помочь Ему спасти страну и Династию, и опирался на людей, толкавших к гибели и Престол, и Россию.

Нет сомнения в том, что на долю Императора Николая II выпало тяжелое царствование.

В течение многих десятилетий велась в России разрушительная работа подпольных революционных сил, имевших за границей свой «главный штаб» и большие денежные средства. Революционный террор то усиливался, то утихал, но никогда не прекращался. Государственная власть в России вынуждена была занимать оборонительное положение. Вести эту борьбу, не раздражая общественных сил страны, было очень трудно, почти невозможно. Общество негодовало на так называемые «репрессии» и считало своим долгом поддерживать самые крайние течения, не отдавая себе отчета в их опасности.

После твердой власти Императора Александра III, подавившей революционные проявления, от его Наследника ожидали предоставления общественным силам более широкого участия в делах государства. Император Николай II отказался от всяких уступок. Но принятая Им на себя задача сохранения непоколебимых основ самодержавия не соответствовала личным свойствам Монарха. Народ всегда охотно подчиняется тому, в ком чувствует твердость и силу власти. Отсутствие этой твердости в характере молодого Государя инстинктивно угадала вся Россия. При первой возможности революционные организации подняли голову, а неудача малопопулярной Японской войны дала толчок и более широким кругам к поддержке открытых революционных выступлений.

* * *

В 1905 году по России пронесся первый шквал революции. Его удалось подавить. Было достигнуто внешнее успокоение, но революционная пропаганда продолжала медленно разъедать авторитет Царской власти.

В крестьянских массах аграрные беспорядки 1905 года и революционный лозунг «земля и воля» разбудили темные инстинкты анархии и жажду захвата. Рабочие, особенно в больших центрах, тоже не могли забыть призыва к борьбе с капиталом.

Что касается образованных классов, то левонастроенные слои интеллигенции мечтали о демократической республике с социалистическим оттенком, а более умеренные ей круги увлекались самым крайним парламентаризмом. Богатая буржуазия в свою очередь стремилась к власти и к политическому влиянию в стране.

Преобладающее большинство русской интеллигентной молодежи того времени, студенчество в особенности, бредило революцией, зачастую превращая аудитории университетов в места политических сходов. И взрослым, и юным революция казалась единственным путем к установлению социальной справедливости и общего благоденствия в России.

Мечтательно-наивный идеализм русского интеллигента превратил революцию в некоторое подобие религии, которая требует подвигов и самоотречения, которая имеет своего рода «святых». Политические преступники, сосланные в Сибирь или скрывшиеся за границу, в особенности же казненные убийцы-террористы и казались именно такими героями, достойными самого благоговейного почитания.

В то время в русском образованном обществе действовал какой-то психоз, который отражался и в литературе, и в публицистике. Люди, зачастую очень почтенные и образованные, в большинстве своем совершенно не умели разбираться в основах государственной жизни России. Они подвергали жесточайшей и самой пристрастной критике весь тогдашний строй, с почти детской слепотой отрицая бесспорные заслуги русских Царей, на протяжении веков создавших мощь великой Империи. Благодаря этому и за границей составилось совершенно ложное представление о монархической России.

Между тем, к началу великой войны Россия поражала ростом своего благосостояния. Финансы ее были в блестящем положении, промышленность и сельское хозяйство развивались со сказочной быстротой, строились новые железные дороги, расширялось дело народного образования, многие части государственного аппарата по своей организации и работе были на блестящей высоте.

Но русская интеллигенция того времени, руководившая общественным мнением страны при помощи прессы и Государственной Думы, не склонна была считаться с практическими фактами; для нее ее отвлеченная политическая идеология была выше всего. Она считала своим долгом прежде всего бороться с началами самодержавия и усиленно подчеркивать в глазах народа все его отрицательные стороны.

К сожалению, в то время около Престола совершались события, которые могли дать много поводов для всякого рода самых тяжелых недоразумений и вызвать недовольство в стране.

Когда над отдельным человеком или даже над целым народом должна разразиться беда, – кажется, будто все обстоятельства складываются именно так, чтобы способствовать несчастью.

Частная жизнь Царской Семьи роковым образом переплелась с событиями политическими. Личные особенности характеров Императора Николая II и Императрицы Александры Феодоровны, которые при иных условиях не оказали бы, быть может, даже заметного влияния на Их царствование, сыграли трагическую роль в судьбе и России, и всей Династии.

Император Николай II, в бытность свою Наследником престола, получил прекрасное образование, но не успел приобрести достаточной подготовки к сложным и трудным обязанностям Монарха. Император Александр III, крепко державший власть в своих мощных руках, умер в расцвете сил, и бремя самодержавия обрушилось на молодого неопытного Цесаревича.

Следуя за гробом отца, приехал в Петербург молодой Император вместе со своей невестой, принцессой Алисой Гессенской, которая, едва успев вступить в Россию, уже надела траур. Ей не удалось предварительно ознакомиться ни со своим новым отечеством, ни с обществом, ни с его традициями и привычками. В то время, как другие русские Государыни, в бытность свою Цесаревнами, постепенно осваивались с русскими условиями жизни и постепенно узнавали своих будущих подданных, встречаясь с ними в более простой обстановке, – Супруга Императора Николая II сразу стала Императрицей и заняла то высокое положение, которое требует огромного знания окружающих людей и менее всего дает возможность их узнать.

К молодой Императрице и общество, и народ присматривались с особенным вниманием, которое не могло ее не смущать. Очень застенчивая и нервная по природе, Она ушла в себя, казалась скрытной, а иным даже сухой и неприветливой. Это обстоятельство с первых шагов повредило Ее популярности, тем более что Ее часто сравнивали с вдовствующей Императрицей Марией Феодоровной, очень любимой в России, чарующая простота которой покорила сердца ее верноподданных.

Личная жизнь молодых Царя и Царицы не могли дать Им того беззаботного счастья, которому, казалось бы, все благоприятствовало. Император Николай II женился под свежим впечатлением утраты любимого Отца и в тот момент, когда Ему пришлось принять на себя всю тяжесть и ответственность русской короны. Императрица Александра Феодоровна искренно хотела делить с Государем Его заботы, давала Ему советы, может быть, и не всегда удачные, в силу Ее малого знакомства с Россией. Таким образом, уже с первых лет, Императрица начала приобретать привычку к влиянию на государственные дела. В русском обществе это не вызвало одобрения: говорили о слабости воли у Государя, порицали Государыню за властолюбие.

Молодая Царица скоро почувствовала, что Ей не удалось пробудить к себе искренних симпатий в новом отечестве, по крайней мере, среди сановных и светских кругов столицы. Она стала еще нервнее и еще более замкнулась в семейной жизни, страдая от того, что Ее добрые намерения не поняты и не оценены. Чем дальше, тем больше у Нее развивалась обостренная подозрительность ко всему.

Так, например, Ей казалось, что рождение одной за другой четырех дочерей, вместо ожидаемого сына-Наследника, является причиной ее непопулярности в стране.

Влияли на душевное состояние Императрицы и неудачи, вроде японской войны, и проявления революционного террора, и события 1905 г., не говоря уже о страшном впечатлении Ходынки, которым было омрачено самое начало царствования.

Приняв православие, Она со всей экзальтированностью новообращенной вдалась в ревностное исполнение всех внешних требований своей новой веры, не проникнув в ее внутреннюю сущность, сложную и глубокую. Болезненно религиозная по натуре, она все сильнее погружалась в мистицизм. Ее скорее влекло к таинственно-темным оккультным силам, к спиритизму и всякого рода волшебству. Она стала интересоваться юродивыми, предсказателями, ясновидящими.

Когда появился в Петербурге один французский оккультист, доктор Филипп, о котором говорили, что он тайно послан масонскими организациями к русскому двору, Императрица слепо уверовала в его силу. Филипп появился еще до рождения Наследника и на его сверхъестественную помощь возлагала Государыня свои материнские надежды. Потом он неожиданно уехал. Говорили, что организации, пославшие его в Россию, остались им недовольны и отозвали его обратно.

Через некоторое время после отъезда Филиппа, появился в Петербурге новый «пророк», но уже чисто русского типа – Григорий Распутин, сибирский мужик, принявший облик благочестивого русского странника-богомольца. На Императрицу он произвел очень сильное впечатление. Когда лица, покровительствовавшие первым шагам Распутина в Петербурге, потом разобрались в его нравственных качествах и пытались его удалить от двора, – ничего уже сделать было невозможно, он слишком прочно занял свое место.

Влияние Распутина на Императрицу началось благодаря вмешательству Вырубовой, которая занимала совершенно исключительное положение в Царском Селе.

Появление Вырубовой около Императрицы и то значение, которое она приобрела в Царской Семье, – такая же трагически роковая случайность, как и появление Распутина.

Императрица сблизилась с ней при следующих обстоятельствах. Вырубова, тогда еще Танеева, дочь Начальника Собств. Е. У. В. Канцелярии, тяжело заболела тифом. Ей приснилось, что Императрица Александра Феодоровна вошла в ее комнату и взяла ее за руку. После этого она стала поправляться и только и мечтала о том, чтобы увидеть наяву свою высокую покровительницу.

Императрице, конечно, рассказали об этом сновидении, и, по свойственной Ей доброте, Ей захотелось навестить больную, и Она к ней поехала. С этой встречи началось обожание Вырубовой Императрицы.

Очень ограниченная умственно, малоразвитая, но хитрая, к тому же истеричка по натуре, Вырубова была склонна к преувеличению своих чувств. Государыня поверила ее искренности и, тронутая такой исключительной преданностью, после ее выздоровления, приблизила ее к себе.

Неудачное замужество Вырубовой и ее разрыв с мужем вызвали у Императрицы искреннюю жалость к «бедной Ане» и усилили чувство Ее привязанности к этому ничтожному существу. Так возникла между ними самая тесная дружба.

Инстинкт подсказал Вырубовой весь ее дальнейший образ действий. Несмотря на свое положение приближенной Императрицы, она, по психологии своей, была скорее ловкой гор-

ничной, ищущей всеми способами исключительного доверия своей госпожи. Внушая Императрице уверенность в своей беспредельной ей преданности, в своем слепом и неизменном обожании, Вырубова одновременно внушала Ей и чувство недоброжелательства ко всем остальным, кто Ее окружал. Она с негодованием и отчаянием говорила Императрице, что Государыню не умеют ценить не только в обществе, но и среди родственников – членов Императорского Дома. Только одна она, Вырубова, боготворит свою Государыню, она одна умеет Ее по-настоящему понять.

При всем своем умственном убожестве, Вырубова все же сообразила, что, чем больше она изолирует от всех Императрицу, тем сильнее укрепит влияние на Нее самой Вырубой, как единственного верного друга. Привязанность ее к Императрице, несомненно, была искренней, но далеко не бескорыстной, потому что она вокруг этой дружбы впоследствии сплела целую сеть интриг.

Для того чтобы приблизить Распутина к Императрице, Вырубова оказалась как нельзя более подходящим человеком. Ловкому «старцу» не трудно было заставить эту истеричку уверовать в свою святость, для того чтобы она своими внушениями повлияла и на Государыню.

Когда Распутину удалось приобрести авторитет в Царской Семье и Императрица стала в свою очередь считать его великим праведником, Вырубова почуяла, какие возможности открываются перед ней. В этой ничтожной женщине проснулась самая низменная жажда власти. Сама по себе дружба Императрицы уже давала ей исключительное положение, а с появлением Распутина значение Вырубовой выросло еще сильнее: она стала ближайшим доверенным лицом Императрицы – единственной посредницей между Нею и «старцем».

Надо думать, что и Распутин, держась за Вырубову, как за самое удобное орудие в своих руках, поощрял доверие к ней Императрицы.

Трудно предположить, чтобы Вырубова, став в центре распутинского влияния и постоянного его вмешательства в государственные дела, имела бы какие-нибудь политические планы. Она была слишком глупа для сложных замыслов; но ее пьянила роль «влиятельного человека». Сплетая постоянные интриги, поддерживая одних, устраняя других, она упивалась этой игрой в могущество.

Впрочем, влияние Распутина на государственные дела при сотрудничестве Вырубовой началось не сразу. Оно стало возможным лишь в той очень замкнутой обстановке, в которой протекала жизнь Царской Семьи, после того как Государь избрал своей постоянной резиденцией не Петербург, а Царское Село.

Император Николай II был застенчив по природе, избегал частых публичных появлений и предпочитал тихую жизнь в интимном семейном кругу.

К этой жизни он привык еще с юных лет, потому что Император Александр III сравнительно недолгие годы своего царствования большею частью провел тоже не в Петербурге, а в Гатчине.

Но обстановка царствования при Императоре Николае II была совершенно иная, нежели при Его державном Отце: наступили бурные годы и удаление Государя от столицы вызывало самые пагубные последствия.

Император Николай II ближе всего был знаком с военными кругами. Его деятельность, как Монарха, почти целиком проходила в Царском Селе, куда к Нему ездили для докладов Его министры. Он очень много и усидчиво работал, но не видел близко своей страны, и страна Его не знала. Лишь те, которые имели доступ в Царское Село, встречались с Монархом, необычайно обаятельным, чарующим ласковой простотой своего обращения, горячо любящим Россию.

Замкнутому образу жизни Государя особенно способствовала Императрица Александра Феодоровна. Она все больше отходила не только от петербургского общества, но даже и от Императорской Фамилии.

В уединенной обстановке Царского Села Государь проводил свободное время с Императрицей. Умный, чуткий, но в высшей степени мягкий по натуре, Он незаметно привыкал в некоторых случаях подчинять свою волю настойчиво-властному характеру Государыни. Она стала его единственным другом, так заполнившим Его жизнь, что влиянию других близких лиц уже не оставалось места.

Императрица страдала болезнью нервной системы и тяжелым неврозом сердца; это действовало на Ее душевное состояние и часто омрачало атмосферу в Царской Семье. Недомогания Императрицы волновали и огорчали Государя, увеличивая Его семейные заботы. Но самым тяжелым испытанием для Них явилась неизлечимая болезнь столь долгожданного единственного сына, Цесаревича Алексея. У Него обнаружилась гемофилия, наследственный недуг, передававшийся мужскому поколению по женской линии. Императрица, нежно любящая мать, страдала вдвойне: Ее терзали и постоянные опасения за жизнь Цесаревича и мучительное сознание того, что Она сама передала Ему эту болезнь.

Болезнь Наследника старались скрыть. Скрыть до конца ее было нельзя, и скрытность только увеличивала всевозможные слухи, которые вообще порождались в обществе, благодаря уединенной жизни Государя. Казалось, какой-то таинственный покров был наброшен на Царскую Семью. Он разжигал любопытство, подстрекал недоброжелательство и меньше всего заставлял думать и догадываться о том, как мучились и Отец и Мать за своего ребенка, в какой постоянной тревоге Они жили.

При таких условиях широкое поле действий открывалось для Распутина.

Государыня слепо уверовала в его сверхъестественную силу и старалась убедить в этом и Государя.

Она верила, что только чудо может спасти Ее сына. Распутин внушил Ей, что именно он может совершить это чудо и что, пока он будет близок к Царской Семье, – Цесаревич останется жив и здоров.

Она верила также, что и Россию может спасти только Распутин, которому дарованы «высшая мудрость, знание людей и предвидение всех событий».

В этой болезненно-мистической атмосфере протекала жизнь и деятельность Императора Николая II около больной Императрицы, близ Вырубовой и Распутина... Временами Государь пытался бороться с окружающими влияниями и даже удалял Распутина, но побороть до конца того, что уже как быросло в Его жизнь, Он не имел сил.

Начало войны, сопровождавшееся огромным патриотическим подъемом во всей стране, было моментом радостного просветления и для Государя, и для России. Казалось, было забыто всякое недовольство Верховной Властью, – Царь и весь народ, без различия партий, слились в одно непобедимое целое, но это единство и взаимное доверие длилось недолго.

Война приняла затяжной характер. Ее гнет испытывала не только армия, но и вся страна: требовались великие жертвы...

Но ничего не изменилось в действиях Верховной Власти: Распутин опять зловещим призраком появился в Царском Селе... Люди хмурились от военных неудач: то тут, то там слышалось страшное слово «измена». Нелюбимой Императрице раздраженное чувство толпы, особенно под влиянием тайной немецкой пропаганды, приписывало чудовищные преступления. Эти клеветнические слухи об Императрице старательно распространялись в России немецкими агентами и теми революционными организациями, которые работали за одно с Германией и на ее деньги. Самым гнусным приемом такой пропаганды со стороны немцев было усиленное подчеркивание немецкого происхождения Императрицы и навязыва-

вание Ей немецкого патриотизма. Последнее особенно было ложно, так как Государыня Александра Феодоровна не любила Пруссии и ненавидела Императора Вильгельма. Клевета не миновала и Государя: говорили, что Он, под влиянием Императрицы, будто бы возглавлявшей немецкую партию, готовится к подписанию сепаратного мира.

На самом же деле, Государь не только, будучи на престоле, отвергал самую мысль о сепаратном мире, но и после отречения своего, в прощальном приказе по армии, не объявленном по приказанию Временного Правительства, призывал и армию, и Россию бороться до конца с неприятелем, в полном согласии с союзниками. Больше того: Он отказался от всякой помощи со стороны Императора Вильгельма даже в тот момент, когда вся Царская Семья находилась в Екатеринбурге в руках большевиков и, живя в ужасных условиях, была на краю гибели.

Нужно было при помощи самых решительных мер уничтожить все поводы для подозрения и клеветы. Приняв на себя Верховное Командование и находясь постоянно в Ставке, Государь с надорванными душевными силами и под гнетом тяжелого морального утомления почти уступил свою власть Императрице.

Тогда распутинская клика подняла голову с сознанием своей окончательной победы, а Императрица Александра Феодоровна, преисполненная лихорадочной энергии и самых лучших намерений, в больном своем неведении, хотела верить, что, при помощи «избранного Богом» «старца», именно Она и спасет страну...

* * *

На высоком открытом берегу реки Туры раскинулось село Покровское. По середине села, на возвышенном месте, церковь, а кругом, во все стороны, ровными рядами улиц, идут крестьянские дома, крепкие, построенные из векового леса.

Во всем здесь чувствуется довольство: на улицах бесчисленные стада домашней птицы, в каждом дворе много скота: коровы, овцы, свиньи; выносливые маленькие лошади местной породы кажутся вылитыми из стали. Внутренность домов блестит чистотой, на светлых окнах цветы в горшках.

Если выйти из села на берег Туры, – перед глазами тот сибирский простор, которого, кажется, нигде в мире нет: вольно раскинулись поля и степи, пересекаемые березовыми рощами, а за ними – бесконечный, непроходимый лес хвойный и лиственный, называемый в Сибири урманом. В урмане летом много всяких ягод: малина, черная и красная смородина, ежевика, лесная клубника стелется красным ковром на полянах; дичи в лесу в изобилии; трава и цветы вырастают почти в рост человека.

Зато селений не видно нигде кругом. Они здесь редки, как и вообще в Сибири: расположены иногда на сотни верст одно от другого; города еще реже. Железная дорога, пролегающая через уездный город Тюмень, проходит очень далеко от Покровского. Зимой сообщаются на лошадях: завернувшись поверх теплой меховой шубы еще в собачью доху, которая лучше всего спасает от здешних морозов, мчатся в легких санях по сверкающей, как серебряная лента, снежной дороге. Лошади быстры, не знают усталости; монотонно звенят бубенцы, убаюкивая седока, мелькают мимо белые равнины, потом лес обступит со всех сторон: гигантскими колоннами подымаются кедры и сосны, отряхая снег с пушистых хвойных вершин. Днем яркое солнце, ослепительное от снега, ночью – луна или далекие звезды, а иногда вспыхнет по небу голубовато-зеленым заревом северное сияние и все вокруг кажется тогда сказкой.

Летом, из Покровского вверх по Туре можно доплыть до Тюмени, а к северу, вниз по течению, Тура приводит в Тобол, по которому ходят пароходы до губернского города Тобольска. К нему уже никакая железная дорога не доходит, – городок маленький, глухой,

но в нем сосредоточивалось все управление огромной Tobольской губернии, занимающей северо-западную часть Сибири и равной по размерам целому европейскому государству.

По Туре и Тоболу, из Тюмени в Tobольск, летом 1917 года везли в заточение Императора Николая II и Его Семью. Пароход проходил мимо Покровского, и Императрица, как рассказывал потом один из добровольных спутников Царской Семьи, долго и задумчиво смотрела с палубы на берег, провожая глазами медленно уходившие вдаль крыши крестьянских домов и высокую белую колокольню.

В селе Покровском родился и вырос Григорий Распутин. Отсюда ходил он в свои таинственные странствования, отсюда попал и в Петербург.

Сибиряки – народ смешанного происхождения. Жизнь случайно занесла в этот богатый край их дедов и отцов, как течение реки приносит камни и песок. В западной Сибири, главным образом в лесах и вообще в скрытых местах, живут, крепко сохраняя старинные обычаи и строго религиозный уклад жизни, старообрядцы разных толков, которые пришли сюда в давние времена спастись от преследований правительства. Старообрядцы живут замкнуто и твердо хранят, вместе с древними богослужебными книгами в тяжелых переплетках, память о своем прошлом, но о нем стараются не говорить и не думать. Другие жители Сибири – потомки беглых и ссыльнокаторжных; какое кому дело до того, что предки некоторых из них прошли в кандалах через всю Сибирь? Сами они живут богато и независимо, выросли они на полной воле, вдали от всякого начальства и никому кланяться не привыкли. Сибиряки по характеру люди смелые, суровые, но и в большинстве своем очень честные. Воровство они жестоко клеймят и часто наказывают своим судом, единственный человек, которому они решаются в оскорбительной форме напомнить о его происхождении – это вор, особенно – конокрад. Существует специальное сибирское слово «варнак». «Варнак» – значит бродяга, беглый каторжник; хуже наименования нет.

Этим названием с молодых лет был отмечен Григорий Распутин в своем селе.

В его роду сказала преступная кровь предков: сын конокрада, он сам стал вором и конокрадом. В этом позорном и рискованном ремесле упражнял он свою ловкость и хитрость, свои хищные инстинкты. Не раз его ловили на месте преступления и били; били жестоко. Случалось, что приезжающие полицейские стражники едва успевали спасти ему жизнь: окровавленного, почти изувеченного, вырывали они его из тяжелых мужицких рук.

Иной бы умер от таких побоев, но Распутин все выносил и становился еще крепче, точно железо от ударов кузнечного молота.

Крестьянский труд и оседлая жизнь не могли привлекать его воровскую натуру. Его тянуло к бродяжничеству. Он часто куда-то уходил из Покровского, иногда пропадал подолгу. Во время одной из его продолжительных отлучек пронесся слух о том, что Распутин где-то спасается и живет строгим подвижником не то в каком то глухом раскольничьем скиту, не то в одном из отдаленных монастырей.

Возможно, что в его беспокойной душе проснулись какие-то смутные искания и что на время он, даже искренно, потянулся к религии. Но чистое учение православной Церкви было чуждо всему внутреннему складу Распутина: темный мистицизм самой извращенной секты скорее всего мог его пленить.

Нет точных сведений о том, где именно странствовал Распутин, с кем встречался. Определенно установлено лишь то, что он часто навещал один православный монастырь, где жили сосланные туда для «исправления» сектанты.

Сибирские монастыри были скорее похожи на большие богатые имения, чем на обители строго благочестивых аскетов. Немногочисленные монахи, поглощенные хозяйственными делами монастыря, не обращали внимания на поселенных у них «сектантов». Распутин мог вести с ними очень откровенные беседы, вникать во все тайны их культа, по

внешности оставаясь в то же самое время ревностным и смиренным странником-богомольцем.

Та огромная внутренняя сила, которая была заложена самой природой в этом жутком человеке, несомненно исключительном при всей своей порочности, привлекала к нему особое внимание. Он, как индусский факир, мог не есть и не спать. Тренируя себя подвигами внешнего благочестия, он еще больше развивал в себе свои волевые способности. Окружающим он мог казаться чуть ли не «святым», в то самое время, как в его душе царил непроницаемый, чисто дьявольский мрак.

Распутин был находкой для сектантов, и они его по-своему очень оценили.

Интересовалось им и православное духовенство, не подозревавшее того, что этот постник и молитвенник ведет двойную игру. Свою склонность к сектантству Распутин держал в тайне с самого начала, а наружно всячески искал близости с представителями Церкви, общение с которыми ему было необходимо для других целей.

Он старался чисто механически усвоить кое-что из Священного Писания, из духовно-нравственных наставлений и приобрести облик «Божьего человека», «старца» духовно мудрого и прозорливого.

При большой памяти, исключительной наблюдательности и огромных способностях к симуляции, он в этом успел. Конечно, в то время ему и в голову не приходила его будущая карьера. Не только в Петербург, но даже в европейскую Россию, от которой сибиряки чувствуют себя совершенно обособленными и удаленными, он и не собирался. Вернее всего, что праздная и бродячая жизнь странника занимала его сама по себе и казалась приятнее непрерывного крестьянского труда у себя дома.

Случайная встреча с одним молодым миссионером-монахом, впоследствии епископом, решила его судьбу. Монах этот был человек очень образованный, глубоко верующий, но детски чистый и наивный.

Он поверил искренности Распутина и в свою очередь познакомил его с епископом Феофаном, который привез самозваного «подвижника» в Петербург.

Обыкновенный мужик легко бы растерялся в столице. Он запутался бы в сложных нитях и сплетениях придворных, светских и служебных отношений, не говоря уже о том, что у него не хватило бы смелости, особенно на первых порах, держать себя так независимо и развязно, как держался Распутин.

А между тем, свободное обращение и фамильярный тон, который позволял себе со всеми, вплоть до высокопоставленных лиц, этот бывший конокрад в значительной степени способствовали его успеху.

Распутин вошел в Царский дворец также спокойно и непринужденно, как входил в свою избу в селе Покровском. Это не могло не произвести сильного впечатления и, конечно, заставило думать, что только истинная святость могла поставить простого сибирского мужика выше всякого раболепства перед земной властью.

А мужик в шумном и многолюдном Петербурге все, что ему было нужно, заметил, запомнил и сообразил.

Он почти безошибочно разобрался в некоторых характерах и быстро учел слабые стороны тех, на кого он хотел и мог влиять. Свое поведение он согласовал с обстоятельствами: в Царском Селе он являлся под личиной праведника, посветившего себя Богу; в светских гостиных, среди своих поклонниц, стеснялся уже гораздо меньше и, наконец, у себя дома или в отдельном кабинете ресторана, в интимной компании своих сообщников, давал полную волю своему пьяному и развратному разгулу.

В некоторых, к счастью, весьма ограниченных, кругах высшего петербургского общества, где оккультизм всякого рода имел самое широкое распространение, где люди искали

волнующих ощущений в спиритических сеансах, тянулись ко всему острому и необычному в области нездоровой мистики, Распутин стяжал себе выдающийся успех.

Как ни скрывал он своей принадлежности к сектантству, люди, при близком соприкосновении с ним, может быть, бессознательно чувствовали, что в нем, помимо его собственной темной силы, живет и действует какая-то жуткая стихия, которая к нему влечет. Эта стихия была – хлыстовство, с его пьяно-чувственной мистикой. Хлыстовство все построено на сексуальных началах и сочетает самый грубый материализм животной страсти с верою в высшие духовные откровения.

Молитвенные собрания, «радения», хлыстов имеют целью одновременно доводить до высшей степени и религиозное иступление, и эротический экстаз. По верованиям хлыстов, в момент наибольшего истерически-сексуального возбуждения Святой Дух нисходит на человека, и свальный грех, которым зачастую заканчиваются хлыстовские моления, есть не что иное, как действие божественной благодати.

В основе хлыстовства есть несомненно что-то языческое: танец, начинающийся с медленных ритмических движений, затем переходящий в безумное кружение, ослепительный блеск множества свечей, зажигаемых в комнате во время «молений», и дикая любовная оргия.

В темных тайниках народной души, видимо, сохранились чувства и образы далекой древности, которые вылились в формах кощунственного искажения христианской веры.

Характерно, что хлысты не только не разрывают официальной связи с православной Церковью, но посещают ее богослужения, признают все ее таинства и очень часто причащаются, находя, что принятие Святых Тайн дает им особую силу для «призывания Святого Духа».

Свой чудовищный разврат Распутин оправдывал типично хлыстовскими рассуждениями и внушал иногда женщинам, что близость с ним отнюдь не является грехом.

Распутин ездил из дома в дом, засыпаясь приглашениями. Одни хотели видеть его из любопытства, другие, особенно в начале, интересовались его святостью и прозорливостью, третьи – больные натуры – поработались ему окончательно.

Когда Распутин приобрел влияние в политических сферах, его окружили еще более тесным кольцом. Перед ним заискивали, ему дарили подарки и давали взятки, кормили его обедами, спаивали вином... Распутин пользовался популярностью только в определенном кругу своих поклонниц и тех лиц из правящих кругов, которые нуждались в его поддержке. Остальной же здравомыслящий Петербург относился к нему отрицательно.

Его жизнь в Петербурге превратилась в сплошной праздник, в хмельной разгул беглого каторжника, которому неожиданно привалило счастье.

Понятно, что в конце концов у него вскружилась голова от сознания своей силы, от подбострастия окружающих, от непривычного количества денег и невиданной роскоши. Его цинизм дошел до последних границ. Да разве и могло быть иначе? Мог ли он стесняться с теми сановниками, которые дожидались у него в передней, с теми женщинами, которые готовы были почтительно целовать его грязные руки?

Чем сильнее он чувствовал свое могущество, тем меньше уважал окружающих. Но от разгула и опьянения властью он и сам опускался, теряя всякое чувство меры, всякую осторожность.

Конец его явился характерным завершением всей его жизни.

В ледяную воду Невы было брошено его тело, до последней минуты старавшееся преодолеть и яд, и пулю. Сибирский бродяга, отважившийся на слишком рискованные дела, не мог умереть иначе; только там, у него на родине, в волнах Тобола или Туры, едва ли бы кто искал труп убитого конокрада Гришки Распутина.

Распутинство и большевизм – два явления, которые как будто не имеют между собой никакой внутренней связи. В действительности же, эта связь огромна.

Распутин был олицетворением той темной силы, которая поднималась с самого дна русской жизни и несла в себе полное попрание и разложение всех нравственных начал. Он, вместе с тем, был и прообразом грядущих ужасов и грядущего хамства. «Мужик в смазных сапогах», как он сам говорил про себя, «вошел во дворец и гулял по царским паркетам». Этими грязными сапогами он растоптал вековую веру народа в чистоту и справедливость царского служения.

В личности Распутина, во всей его «карьере», был заложен надвигавшийся большевизм, с его невежеством, алчностью, цинизмом и развратом, с темной похотью власти, не знающей никакой ответственности перед Богом и людьми. Он стал орудием в руках врагов России... Одни ли немцы были ее врагами тогда? Не стояла ли за спиной Распутина какая-то иная сила, которая искала не только политического ослабления России, но еще нравственного разложения и разрушения великой нации, для утверждения над ней своего дьявольского господства?

Распутин обманул Государя и Императрицу, доверившихся ему.

Большевики обманули весь русский народ, который слепо пошел за ними в каком-то диком опьянении чисто хлыстовским экстазом революции.

Распутин был бессознательно как бы первым «комиссаром» большевизма, приблизившимся к престолу, чтобы растоптать его мощь, угасить его величие.

За ним двинулись остальные...

Распутинство парализовало Верховную Власть, потому что не встретило на своем пути крепкого и организованного противодействия влиятельных кругов, которые бы руководствовались бескорыстной идеей долга и чисто-нравственными побуждениями.

Большевизму тоже не оказалось преграды. Дряблость, растерянность, честолюбие, партийная слепота и личные расчеты, отсутствие единой национальной идеи, обольщение революцией, – все это ядовитым туманом окутало русских людей, оказавшихся у власти, после падения Монархии. В тумане подкрались враги России и нанесли ей давно уже рассчитанный удар.

Одурманенный, сбитый с толку народ в такой момент легко попал в их руки.

Большевизм бросил свой якорь в самое грязное и топкое дно. Он зацепился за отбросы всех классов общества, привел за собой целую армию инородцев, для которых Россия не могла быть отечеством: она была и есть для них чужой дом, отданный им на разграбление и поругание.

Великая страна стала очагом самого ужасного разврата, самых чудовищных преступлений ее врагов. Неслыханные издевательства начались над беззащитным народом. Россию превратили в мировую лабораторию для выработки ядов, предназначенных для отравления всего человечества... И во всем мире не нашлось и не находится до сих пор такой силы, которая решительно и твердо стала бы на защиту, даже не русского народа как такового, а всех высших ценностей человеческой морали и культуры.

Цивилизованные страны живут бок о бок с проказой большевизма, протягивают свою руку слугам дьявола и не задыхаются от того нравственного гниения и смрада, которые, наподобие удушливых газов, распространяет по всему миру преступная организация III Интернационала.

Народы и их правительства как будто не понимают того, что большевизм не есть только форма государственного устройства, тесно замкнутая в рамки «Советов», но прежде всего и больше всего явление нравственного порядка, страшная и сложная болезнь современного человечества. Эта болезнь в первую голову поражает моральное чувство людей: она выедаёт совесть, стыд, элементарное чувство долга и чести. Она парализует и уничтожает все то,

что приобретено веками духовной культуры и постепенно превращает человека в цивилизованного зверя, управляемого низшими инстинктами, утратившего все потребности высшего порядка.

Большевизм, в силу всего этого, больше всего борется с христианством: темная стихия бездны хочет как бы поглотить самое небо... Не даром Советы устраивали у себя «суд над Богом», осуждали и отвергали Его.

Ужасная смерть Императора, убитого со всей своей семьей шайкой озверелых бандитов, смерть целого ряда членов Императорской Фамилии, кровь миллионов русских людей и, наконец, великий подвиг русской Православной Церкви, заплатившей тысячами жизней за свою верность Христианской Идее, – еще не всех нас научили пониманию нашего долга перед Родиной даже теперь, в страшные годы полного разрушения России.

Русская Церковь, – корень и вершина России, – одна только и устояла под натиском революции... Она победила в самой себе яд распутинства, который и ее пытался отравить, не поддавшись ударам, угрозам, разложению и разврату большевизма. Она спасала и спасает душу русского народа, все его величайшие нравственные ценности. Ей и в будущем предстоит огромная задача морального очищения всей России.

Очищение необходимо. Без него не может строиться новая жизнь, не может утвердиться никакой государственный порядок. Всякая форма власти, если она не будет тесно связана с лучшими основами нравственной жизни народа, окажется бессильной и непрочной, и может вызвать повторение страшной катастрофы 1917 года, когда обрушилась многовековая твердыня престола, утратившего, благодаря распутинству, свой моральный авторитет.

Документы, обличающие большевизм и советскую власть, печатаются на всех языках. О большевизме выросла целая литература, далеко, впрочем, не исчерпывающая до конца всю его страшную правду...

Весь мир читает книги, написанные кровью, и весь мир продолжает оставаться равнодушным не только к положению России, но и к своей собственной дальнейшей судьбе...

Мелкие расчеты, узконациональные и узколичные интересы, грубая жажда жизни и искание удачи сегодняшнего дня заслоняют глаза современного человечества; оно не хочет видеть, как, истекая кровью, борется с дьяволом, в полном одиночестве, Великая Страна.

Не сказывается ли в этом тоже своеобразное «распутинство», которым одержима наша эпоха, люди нашего времени вообще?

Париж, 1926 г.

I

С Распутиным я встретился впервые в семье Г... в Петербурге, в 1909 г.

Семью Г... я знал давно, а с одной из дочерей, М., был особенно дружен.

Так как все, связанное с именем Распутина, обычно вызывает невольное чувство брезгливого предубеждения, мне хочется сказать здесь несколько слов о М. Г., чтобы выделить ее из распутинской клики.

По природе своей она была на редкость чиста, добра, отзывчива и необыкновенно впечатлительна. Но в ее характере было много той нервной экзальтации, благодаря которой душевные порывы у нее всегда преобладали над сознанием. Религия играла главную роль в ее жизни. Но религиозное чувство ее носило на себе отпечаток болезненного мистицизма, и все было проникнуто стремлением к сверхъестественному, чудесному. Излишне доверчивая по натуре, она к тому же совершенно не способна была разбираться ни в людях, ни в фактах. Если что-нибудь ее поражало, она слепо отдавалась впечатлению, целиком подпадала под влияние того, кому однажды поверила, и уже не отличала добра от зла.

При этих условиях не приходилось удивляться появлению Распутина в семье Г.

В 1909 году я уже застал М. Г. горячей его поклонницей. Она искренне и твердо верила в его праведность, в его душевную чистоту, видела в нем Божьего избранника, почти сверхъестественное существо.

Распутин же, со свойственной ему прозорливостью, почуял и разгадал ее душевное состояние и всецело овладел ее доверием. М. Г. была слишком чиста, чтобы понять, сколько грязи и ужаса было в этом человеке, слишком наивна, чтобы сознательно и трезво разбираться в его действиях. Она обрела высшую радость в полном духовном порабощении своей личности, была счастлива, найдя «святого руководителя», и не только сама не задумывалась над тем, что представлял собой этот ее духовный наставник, но всякий раз как-то внутренне пугливо уходила сама в себя, когда чувствовала, что ей пытаются открыть на него глаза. Нарисовав в своем воображении идеальный образ «божественного старца», она как бы уже совсем не замечала настоящего Распутина.

При первой же нашей встрече М. Г. заговорила о нем. По ее словам, он был человек редкой духовной силы, преисполненный Божьей благодати, ниспосланный в мир, чтобы очищать и исцелять людские сердца и руководить нашей волей, мыслями и делами.

Помню, что я отнесся скептически к ее рассказу, хотя особых данных против Распутина в то время еще не имел, да и слышал про него очень мало. К тому же, зная характер М. Г., я решил, что это просто очередное увлечение экзальтированной натуры.

Однако что-то в ее словах было такое, что невольно пробудило мое любопытство к Распутину; я стал подробнее о нем расспрашивать. М. Г. с большим оживлением и восторгом начала мне рассказывать о «светлой личности старца».

Ее рассказ был сплошным славословием Распутину: он и целитель, и молитвенник, и бесребреник, и примиритель враждующих, и утешитель печальных; он – избранник Божий, новый апостол; он выше всех остальных людей, в нем нет человеческих слабостей и пороков, и вся его жизнь – сплошной подвиг и молитва.

Слова М. Г., звучавшие горячо и убедительно, не вызвали во мне веры в чудесные дарования «старца», но пробудили мое любопытство и желание его увидеть. Я сказал ей, что мне хотелось бы познакомиться с таким замечательным человеком. М. Г. пришла в восторг, и наша встреча не замедлила состояться.

Через несколько дней я уже подъезжал к дому на Зимней Канавке, где жила семья Г. и где должно было произойти мое первое свидание со знаменитым «старцем».

Когда я вошел в гостиную, Распутина еще не было. М. Г. сидела со своей матерью за чайным столом. Обе были очень нервны и взволнованны: в особенности дочь, в которой, кроме того, чувствовалась еще какая-то внутренняя тревога. Было заметно, что она опасается моего первого впечатления от встречи со «старцем», потому что хочет, чтобы и я проникся к нему полным благоговением. Настроение у матери и дочери было радостно-торжественное, такое, какое бывает, когда ждут прибытия в дом чудотворной иконы. Это настроение еще больше разжигало во мне любопытство и желание увидеть «удивительного человека». Впрочем, ждали мы все недолго. Скоро дверь из передней отворилась и в комнату семенящей походкой вошел Распутин. Он прямо приблизился ко мне и со словами: «здравствуй, милый», – хотел меня обнять и поцеловать; я невольно отстранился от него. Он улыбнулся хитрой слащавой улыбкой и подошел к М. Г. и ее матери. Их обеих он самым бесцеремонным образом обнял и, с ласковым, покровительственным видом, поцеловал.

Его внешность мне не понравилась с первого взгляда; в ней было что-то отталкивающее. Он был среднего роста, коренастый и худощавый, с длинными руками; на большой его голове, покрытой взъерошенными спутанными волосами, выше лба виднелась небольшая плешь, которая, как я впоследствии узнал, образовалась от удара, когда его били за конокрадство. На вид ему было лет сорок. Он носил поддевку, шаровары и высокие сапоги. Лицо его, обросшее неопрятной бородой, было самое обычное, мужицкое, с крупными, некрасивыми чертами, грубым овалом и длинным носом; маленькие светло-серые глаза смотрели из-под густых нависших бровей испытующим и неприятно бегающим взглядом. Обращала на себя внимание его манера держаться: он казался непринужденным в своих движениях и вместе с тем во всей его фигуре чувствовалась какая-то опаска, что-то подозрительное, трусливое, отслеживающее. Настороженное недоверие светилось и в его прозрачных глубоко сидящих глазах.

Впрочем, я рассмотрел его лицо не сразу. Поздоровавшись с нами и присев на минуту, он встал и некоторое время ходил по комнате своими быстрыми мелкими шагами, бормоча себе под нос какие-то несвязные фразы. Голос его был глух, произношение невнятное.

Мы молча пили чай и следили за ним: М. Г. с восторженным вниманием, я – с недоверием и любопытством.

Наконец, Распутин подошел к чайному столу и, опустившись в кресло рядом со мной, стал пытливо меня рассматривать.

Начался незначительный по своему содержанию разговор. Желая, очевидно, выдержать тон проповедника, просвещаемого силою свыше, он стал говорить в духе поучений. Скороговоркой, часто запинаясь, произносил он тексты из Священного Писания, применяя их без всякой последовательности, и от этого его речь производила впечатление чего-то запутанного, хаотического.

Пока он говорил, я внимательно следил за выражением его лица и заметил, что в этом мужицком лице было действительно что-то необыкновенное. Меня все больше и больше поражали его глаза, и поражающее в них было отвратительным. Не только никакого признака высокой одухотворенности не было в физиономии Распутина, но она скорее напоминала лицо сатира: лукавое и похотливое. Особенность же его глаз заключалась в том, что они были малы, бесцветны, слишком близко сидели один от другого в больших и чрезвычайно глубоких впадинах, так что издали самих глаз даже и не было заметно, – они как-то терялись в глубине орбит. Благодаря этому, иногда даже трудно было заметить, открыты у него глаза или нет, и только чувство, что будто иглы пронизывают вас насквозь, говорило о том, что Распутин на вас смотрит, за вами следит. Взгляд его был острый, тяжелый и проницательный. В нем, действительно, чувствовалась скрытая нечеловеческая сила.

Кроме ужасного взгляда, поражала еще его улыбка, слащавая и вместе с тем злая и плотоядная; да и во всем его существе было что-то невыразимо гадкое, скрытое под маской лицемерия и фальшивой святости.

М. Г. была очень взволнована присутствием Распутина. Глаза ее блестели, на щеках появился нервный румянец. Она так же, как и ее мать, не спускала с него глаз и, затаив дыхание, ловила каждое слово «старца».

Но вот он встал, окинул нас всех притворно любящим и ласковым взглядом и, обращаясь ко мне, произнес, указывая на М. Г.:

– Какого ты в ней друга имеешь верного. Слушать ее должен, а она твоя духовная жена будет. Да... Хвалила она мне тебя, рассказывала, а теперь и сам вижу, что очень вы оба хороши вместе, подходящие вы друг другу... А ты, милый, не знаю, как звать тебя по имени, далеко пойдешь, ох, как далеко!

И с этими словами Распутин вышел из комнаты.

Я тоже уехал весь под впечатлением встречи с этим странным и загадочным человеком.

Через несколько дней я узнал от М. Г., что Распутину я очень понравился и он хочет снова со мной встретиться.

II

В скором времени, после моей первой встречи с Распутиным, я уехал в Англию и поступил в Оксфордский университет.

Однажды в разговоре с одной английской принцессой, состоявшей в близком родстве с Императрицей Александрой Феодоровной, зашла речь о Распутине. Принцесса с большим интересом и волнением слушала мои рассказы о нем. Будучи женщиной очень умной, она тогда уже понимала всю опасность Распутина для России, в виду его близости ко Двору. В немногих словах она обрисовала духовный облик Императрицы Александры Феодоровны и высказала опасение, что некоторые свойства характера русской Государыни, особенно ее склонность к болезненному мистицизму, могут создать тяжелые осложнения в будущем, если Распутин по-прежнему останется близок к Царской Семье.

В то время мои родители жили в Петербурге, а лето проводили в Царском Селе. Императрица Александра Феодоровна была очень расположена к моей матери и часто с нею виделась. Близость Распутина к Государю и к Императрице сильно беспокоила и возмущала мою мать, и она в своих письмах ко мне часто об этом упоминала.

Великая княгиня Елизавета Феодоровна, жившая всегда в Москве, была тесно связана с моей матерью многолетней дружбой. Она вполне разделяла все ее опасения и, в свои редкие приезды в Петербург, всеми силами старалась повлиять на Государя и Государыню, чтобы они удалили от себя зловредного «старца».

В то время еще очень немногие понимали всю опасность близости Распутина к Царскому Селу. Быть может, его появление при Дворе и было случайным, но позднее, когда враги России и династии учли создавшуюся обстановку и поняли, насколько он был всемогущ и насколько подлинное «самодержавие» было в его руках, они сумели его использовать для своих целей.

Моя мать одна из первых поняла это и открыто выступила против Распутина.

Она имела продолжительную беседу с Императрицей и совершенно откровенно сказала Ей все, что думала по этому поводу.

Разговор этот произвел большое впечатление на Государыню. Она, по-видимому, почувствовала всю искренность и правоту ее доводов и, расставаясь с нею, в самых трогательных выражениях изъяснила желание видаться с нею возможно чаще. Но Распутинская клика не дремала: она учла всю опасность такой близости, сумела снова завладеть большой душой Императрицы и постепенно отдалила ее от моей матери: их дружеские отношения прекратились, и они почти больше не виделись.

Многие из лиц Императорской Семьи, во главе с Государыней Императрицей Марией Феодоровной, старались также воздействовать на Государя и Императрицу, но все было тщетно.

Началась борьба между теми, кто был искренно предан России и Престолу, и теми, кто преступно пользовался влиянием Распутина, чтобы приблизиться к Государю и Императрице со своими личными корыстными целями, а также с темными политическими расчетами.

Осенью 1912 года я закончил свое образование в Оксфорде и переехал жить в Россию.

У меня было много планов на будущее, пока еще неясных. Встреча с Княжной Ириной Александровной¹ изменила мою судьбу, и в скором времени нас объявили женихом и невестой.

¹ Дочерью Вел. Кн. Александра Михайловича и Вел. Кн. Ксении Александровны.

С детства я привык смотреть на Царскую Семью, как на людей особенных, не таких, как мы все. В моей душе создалось поклонение перед ними, как перед существами высшими, окруженными каким-то недостижимым ореолом. Поэтому все, что говорилось и передавалось из уст в уста, все порочащие их имя слухи меня глубоко возмущали, и я не хотел верить тому, что слышал.

Началась война. Ее объявление застало нашу семью в Германии. После ареста в Берлине, которому мы были подвергнуты по приказанию Императора Вильгельма, мы, наконец, благополучно добрались до Петербурга, после длинного путешествия через Данию и Швецию, вместе с Императрицей Марией Феодоровной, которую мы застали в Копенгагене, на Ее обратном пути в Россию.

Несмотря на всеобщий патриотический подъем, вызванный войной, многие были настроены пессимистически. Мрачные мысли витали вокруг Царского Села.

Государь и Императрица, отрезанные от мира, отдаленные от своих подданных, окруженные кликой Распутина, решали события мировой важности.

Жутко становилось за Россию.

III

Итак, не было никакой надежды на то, чтобы Государь и Императрица поняли всю правду о Распутине и удалили его.

Какие же оставались способы избавить Царя и Россию от этого злого гения?

Невольно мелькала мысль: есть для этого лишь одно средство – уничтожить этого преступного «старца». Эта мысль зародилась во мне впервые во время одного разговора с моей женой и матерью в 1915 году, когда мы говорили об ужасных последствиях распутинского влияния. Дальнейший ход политических событий снова вернул меня к этой мысли, и она все сильнее укреплялась в моем сознании.

За выступлениями членов Императорской Фамилии против Распутина последовали выступления общественного характера, как со стороны отдельных лиц, так со стороны различных общественных организаций, в виде докладных записок, резолюций съездов, коллективных обращений к Верховной Власти, но Государь и Императрица оставались глухи ко всем просьбам, увещаниям, предостережениям и угрозам. Чем больше говорили Им против «старца», чем доказательнее были данные, обличавшие его, тем меньше прислушивались ко всему этому в Царском Селе.

Распутин был непоколебим на своем месте. Он так ловко умел притворяться и носить маску лицемерия, когда бывал в Царском Селе, что там не могли поверить никаким рассказам о его беспутном образе жизни. Ярким примером этого является следующий факт: генерал Джунковский, товарищ Министра Внутренних Дел, желая убедить Государя и Императрицу, что возмутительные слухи, ходившие по городу относительно Распутина, вполне соответствовали истине, показал Им фотографию, снятую в одном из ресторанов в то время, когда Распутин предавался там самому разнузданному кутежу. Несмотря на неопровержимость такого доказательства, Императрица не поверила этому, очень рассердилась и приказала произвести немедленное расследование, чтобы найти человека, который якобы загримировался под Распутина с целью его опорочить.

В то время, как лучшие люди в России приходили в отчаяние от своих бесплодных усилий уничтожить корень зла, немецкая партия, имевшая в лице «старца» столь ценного помощника, конечно, торжествовала.

Уже до войны Распутин пользовался большим влиянием, которое во время войны еще сильнее возросло и укрепилось: постепенно все честные и преданные долгу люди увольнялись; увольнялись даже те, которые горячо любили лично самого Государя, и на место их приходили ставленники Распутина.

Между тем, миллионы жизней погибали на фронте; покорно один за другим люди шли на смерть.

Героизм русских войск был исключительный, неслыханный.

Русская армия на огромном фронте, растянувшемся на тысячи верст, вела войну иногда в таких условиях, которых не могла бы выдержать никакая иная армия в мире. При страшных морозах, зачастую лишенные всякого продовольствия, люди сидели в занесенных снегом окопах, не помышляя об отступлении. Бывало, что отдельные части, не получая вовремя достаточного военного снаряжения, падали под неприятельским огнем, на который не могли отвечать. Случалось, что целые полки шли в атаку, вооруженные палками и камнями вместо винтовок, и бросались врукопашную на закованных в сталь прусских солдат.

Русская Армия не знала ни усталости, ни ропота, ни страха смерти не только в тех случаях, когда она защищала свою территорию, но и когда, жертвуя собой, должна была поддерживать своих союзников. Так, например, перед знаменитым боем на Марне, целая армия генерала Самсонова, сознательно идя на верную смерть, ворвалась в Восточную Прус-

сию, чтобы оттянуть от французского фронта на русскую часть неприятельских сил. Немцы, встревоженные неожиданным наступлением, уменьшили численность своих войск на западном фронте, французы одержали победу, а русские в Восточной Пруссии, ради этой победы, были принесены в жертву.

Россия чувствовала эти жертвы. Огромная страна в величайшем своем напряжении ощущала, как из ее организма струями бежит сильная и чистая кровь, кровь самых лучших, самых мужественных, радостно умиравших не только за русское, но и за общее дело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.